

Любовь Подарок

Читайте в серии «Любовь в подарок»:

Мария Воронова «Апельсиновый сок»

Мария Воронова «Любовь в режиме ожидания»

Татьяна Алюшина «Белоснежный роман»

Татьяна Алюшина «Будьте моей семьей»

Татьяна Алюшина «Счастье любит тишину»

Сара Джио «Ежевичная зима»

Сара Джио «Фиалки в марте»

Татьяна Корсакова «Снежить»

Татьяна Корсакова «Старинный орнамент везения»

Вера Колочкова «Давай придумаем любовь»

Вера Колочкова «Зимняя рябина»

Елена Ронина «Завтра были письма»

Татьяна Тронина «Странная пара»

Эмили Стоун «Всегда в декабре»

ТАТЬЯНА ТРОНИНА

СТРАННАЯ
ПАРА

МОСКВА
2023

УДК 821.111-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Художественное оформление *Дарьи Васильченко*

Иллюстрация на обложке *Катерины Киланяц*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© AngieYeoh / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Тренина, Татьяна Михайловна.

Т73 Странная пара / Татьяна Тренина. — Москва :
Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-191199-7

Она — журналистка из модного глянцевого журнала, но не циничная, а, напротив, очень нежная и ранимая. Он — победитель «Битвы экстрасенсов», загадочный и нелюдимый. Ее изысканное имя — Иоанна — мечтательно повторяют мужчины. Его зовут просто — Дмитрий, и он давным-давно уже не верит в возможность личного счастья. Они словно персонажи из разных романов. Найдется ли между ними что-нибудь общее?..

УДК 821.111-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тренина Т., 2023

© Оформление.

ISBN 978-5-04-191199-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Пытаясь узнать свое будущее,
ты лишаешь себя его.*

На обложке «Теленедели» двухгодичной давности красовался темноволосый мужчина лет тридцати пяти, с небрежным шиком развалившийся в кресле — на фоне панелей из красного дерева, мраморных статуэток, расписных глиняных горшков, морд африканских идолов и пылающего камина (причем настоящего камина, не какого-то там пластикового муляжа с подсветкой).

В одной руке мужчина держал бокал красного вина, другой обнимал за талию хорошенькую стриженую брюнетку, привалившуюся к боковине кресла. У брюнетки был остренький носик и такой внимательный, ироничный взгляд, что сразу становилось ясно — эта женщина никогда не позволит чувствам владеть собой.

Перед парой на полу (паркет тоже из красного дерева?) сидел мальчик лет семи в такой небрежной, естественной позе и с такой живой, чуть капризной улыбкой, что было ясно — фотограф убил на данное фото немало времени, добываясь этой самой непринужденности от всех персонажей.

Внизу снимка был напечатан анонс — «Дмитрий Гагарин — о себе, о своем даре, о своей семье. См. с. 4».

Четвертая страница журнала тоже начиналась с большого фото, чуть не во весь разворот — мраморная лестница, по обеим сторонам красной дорожки — толпа народа (улыбки, восторг на лицах, ладони, замершие в рукоплесканиях, и цветы, цветы, цветы). В центре, над толпой, на вершине лестницы, стоял тот же самый мужчина, с лицом строгим и отрешенным, в поднятой над головой руке его была полупрозрачная, тяжелая даже на вид скульптура — скорее всего, из хрусталя. Скульптура представляла собой глаз на постаменте, причем глаз этот напоминал невольно глаз женщины с обложки — таким он был прозрачно-огромным, широко распахнутым.

Сноска внизу — «Дмитрий на финале «Дуэли магов», где он завоевал первое место».

Сбоку на первое фото наплывало другое, поменьше — «Дмитрий в прошлом году, на финале предыдущей «Дуэли магов», где он был вторым».

Далее начиналось само интервью Гагарина, которое он давал журналисту Алексею Меркулову:

«Корреспондент. Дмитрий, скажите, Гагарин — это не псевдоним?

Дмитрий. Нет, это моя настоящая, «родная» фамилия.

Корреспондент. Не родственник ли вы нашего первого космонавта?

Дмитрий (смеется). Увы! К Юрию Гагарину не имею никакого отношения. Я из рода других Гагариных.

Корреспондент. Неужели князей?

Дмитрий. Да, я из древнего рода князей Гагариных.

Корреспондент (хитро). И документики есть?

Дмитрий (смеется). Да, есть. Много документов. Причем настоящих, не липовых, как у большинства нынешних псевдодворян. Мне повезло — историю моей семьи можно легко проследить по крайней мере с восемнадцатого века и до нынешних дней.

Корреспондент. Значит, ваши предки не эмигрировали из России после революции 1917 года, как большинство дворян?

Дмитрий. Нет. Прадед был академиком, ведущим специалистом сельского хозяйства, а по складу характера — анархистом и бунтарем. Родину бросить не пожелал, охотно стал сотрудничать с новой властью. Была у него мечта — накормить всех голодных... Выводил новые сорта пшеницы, стойкой к морозу и засухе, в чем и преуспел. Большевики его не тронули — такого уровня профессионалы всегда нужны. Дед потом отличился как военный... Ну а при Хрущеве за то, что предки были из князьев, уже не расстреливали — отец мой от власти вообще никак не пострадал, стал известным инженером, строил мосты, многие из которых действуют до сих пор. Словом, мы, Гагарины, как-то сумели прожить при советской власти.

Корреспондент. Удивительно — словно высшие силы хранили ваш род!

Дмитрий. Я бы так не сказал. Несчастий хватало, но... Обошлось малой кровью. Давайте лучше о хорошем. Позитив нынче в моде.

Корреспондент. Согласен. Скажите, когда вы поняли, что у вас есть дар?

Дмитрий (серьезно). В тридцать лет. Это произошло внезапно. Я попал в автомобильную аварию. Когда очнулся в больнице, вдруг понял, что я, словно рентген, вижу людей насквозь, знаю о них то, что знать вроде бы не должен...

Корреспондент. А что тут удивительного? Вы ведь по профессии психолог.

Дмитрий. Даже психолог может предугадать и угадать не все. Немного позже я понял, что у моего дара есть некая особенность, специфика, если можно так сказать... В первый раз это случилось именно тогда, когда я еще лежал в больнице. Исчез хирург из травматологического отделения — вышел из дома на работу, но в больнице так и не появился. Дозвониться по сотовому не получалось. Коллеги забили тревогу... Я сказал, что человека надо искать в подвале его собственного дома. К счастью, моим словам вняли... Хирург действительно находился в подвале — собираясь на работу, услышал, как где-то там, внизу, беспомощно мяукает котенок, решил поделиться с бедолагой бутербродом, но дверь в подвал захлопнулась. Телефон сигнал не ловил... Благодаря моим инструк-

циям человека быстро вызволили из заточения. История почти юмористическая, к счастью.

Корреспондент. Вы — победитель «Дуэли магов». Год назад вы заняли второе место, недавно — стали первым. Такой стремительный взлет! Вас теперь знает вся страна...

Дмитрий. Да, лишний раз из дому не выйдешь. Даже не думал, что развлекательные шоу смотрит столько людей.

Корреспондент. «Дуэль магов» тем и известна, что постановочные эффекты там сведены к минимуму. Расскажу о «Дуэли» тем нашим читателям, кто еще не смотрел эту передачу. Суть ее заключается в том, что набирается команда людей, наделенных некими сверхъестественными способностями. Им необходимо пройти всевозможные испытания, простые и сложные: определить местонахождение какого-либо человека, угадать его судьбу, отыскать спрятанную в заброшенном доме вещь и многое другое... В процессе испытаний отсеиваются слабые. Тот, кто прошел все этапы игры, становится победителем «Дуэли магов». (*Неожиданно.*) Дмитрий, а про меня — что вы можете сказать?

Дмитрий. Можно вашу руку? (*После паузы.*) Берегите ноги. Что-то скользкое, гладкое... Неприятности. Наверное, вам не стоит выходить из дома в гололед, я так думаю...

Корреспондент. О да, не чищенные зимой тротуары — это бич любого большого города...

Дмитрий. Понимаю вашу иронию. Не так давно вы женились. И... и скоро станете отцом.

Корреспондент (потрясенно). Боже... боже мой! Только сегодня, буквально перед выходом из дома, жена мне сказала, что, возможно... Она даже к доктору еще не обращалась... Дмитрий, я потрясен! Об этом действительно еще никто не знает! И я очень надеюсь, что это правда.

Дмитрий. Будет девочка. Но у вас есть еще вопрос ко мне. Вы хотите знать, куда исчез ваш родственник. Мужчина. Молодой мужчина.

Корреспондент. Это поразительно. Я действительно не мог не воспользоваться своим служебным положением. Три года назад мой двоюродный брат ушел из дому... Ему было всего семнадцать... Поиски ни к чему не привели...

Дмитрий. Почему было? Ему сейчас двадцать. Он где-то в большом городе, сравнимом с Москвой. Наверное, в Питере. (*Закрывает глаза.*) Да, я вижу воду, много рек и каналов, старинные здания... Он в Питере. Почему-то под землей. А... Он живет в неформальной среде, играет на гитаре в переходах метро.

Корреспондент (потрясенно). Да, до нас доходили слухи, был один звонок еще... Значит, это правда. Брат с раннего детства постоянно убегал из дома, его тянуло на улицы...

Дмитрий. Не беспокойтесь о нем. Он из тех, кого называют бродягами. На одном месте он все равно жить не сможет.

Корреспондент. Это невероятно... Вы действительно настоящий поисковик. Так вы себя называете?

Дмитрий. Да, моя специализация как экстрасенса, если можно так выразиться, — поисковик. Ищу людей, живых или мертвых. И обычно нахожу...

Корреспондент. Князь, да еще экстрасенс... Наверное, нелегко приходится вашей супруге! Вы ведь видите ее насквозь...

Дмитрий (смеется). Скорее это Полина меня насквозь видит!..»

Иванка не стала дочитывать интервью, которое она и так знала почти наизусть. Дальше было неинтересно — про жену Полину, сына Артемия, ставшего в тот год первокласником...

Она только еще раз взгляделась в фото Полины на обложке — из чисто женского любопытства и вечно, неистребимого желания соперничать и сравнивать.

«Симпатичная, но не красавица... Невысокого роста, должно быть. Даже очень невысокого. Как травести. Маленькая собачка — всегда щенок... Но эти глаза! Боюсь таких женщин: мягко стелет, да жестко спать!»

Обычно Иванка старалась не судить никого по внешнему виду, да и злоязычием никогда не страдала — но тут уж не сдержалась.

Словно женщина на фото была действительно ее соперницей. Это, наверное, потому, что Дмитрий Гагарин

равился Иванке — и внешне, по фотографии, и как говорил, рассуждал. Красивый и умный. Князь. Судя по интерьеру квартиры — богач. Экстрасенс еще...

Иванка захлопнула журнал, втиснула его в дорожную, распухшую от вещей сумку, стоявшую рядом, на диванном сиденье, и откинулась назад.

Дыдых-дыдых, дыдых-дыдых... Поезд потряхивало на стыках, за окном — ничего интересного, черные поля да телеграфные столбы...

С тяжким скрежетом отъехала дверь, в купе заглянула проводница:

— Девушка, через полчаса ваша станция.

— Спасибо, — кивнула Иванка.

Дверь снова захлопнулась — с таким звуком, словно огромное чудовище зевнуло, клацнув зубами.

Иванка поежилась, встала, держась за верхнюю полку. От поездов, тем более на внутренних направлениях, она отвыкла. Когда-то давно, в детстве, ездила с родителями в Сочи, в Крым... Один раз — к каким-то родственникам в Челябинск. И все.

В последние годы Иванка только на самолетах летала. А, нет, все-таки в Питер несколько раз пришлось наведаться, на скоростном «Сапсане». Но это небо и земля, если сравнивать пафосный «Сапсан» и этот поезд...

«Собственно, чего я вскочила? Все собрано давно, времени полно...»

Тем не менее Иванка выдернула из-под сиденья чемодан на колесиках. Потом натянула на ноги зимние, теплые ботинки. Накинула куртку.

Уставилась в окно, сдерживая нервную зевоту.

Сначала, садясь в поезд в Москве, Иванка обрадовалась, что поедет в купе одна. Потом затосковала... Столько часов в поезде, и не с кем даже словом перебраться!

За окнами замелькали одноэтажные домишки, поезд стал потихоньку сбрасывать ход. «Пора...»

Иванка резко выдохнула, повернулась.

В зеркале на двери отразилось ее лицо — бледное, взволнованное, почему-то испуганное, на котором выделялись розовые, ненакрашенные губы. Светлые вьющиеся волосы растрепаны, светлые глаза широко раскрыты, блестят. Беззащитное, нежное создание, о котором надо заботиться, которое надо защищать... «Интересно, сколько той Полине лет? На вид — лет тридцать пять. Хм, у меня определенные преимущества, мне-то — всего двадцать девять... Господи, да какая разница, почему мне все эти глупости в голову лезут!»

Иванка с усилием откатила дверь и вышла в тамбур, волоча за собой чемодан, поверх которого пристроила еще сумку.

Поезд остановился, проводница опустила ступени, произнесла дежурно:

— До свидания.

— Доброго пути! — отозвалась Иванка, балансируя на ступенях с чемоданом.

На перроне она опять нервно выдохнула и обнаружила, что холодно — облачко пара изо рта плав-

но растворилось в прозрачном, голубоватом воздухе.
«Боже мой, какой тут чистый воздух!»

Огляделась. «Дольск» — надпись на здании вокзала, приземистого, из красного кирпича. Вокруг было довольно мало народу (провинция, да еще конец ноября). Иванку никто не встречал.

Она прошла через здание вокзала и оказалась на улице, у стоянки такси.

— Пожалуйста, мне в гостиницу...

Таксист — унылый долговязый бородач — с трудом зачихнул Иванкин чемодан в багажник стареньких «Жигулей».

— Долго ехать? — спросила девушка.

— Не, минут двадцать-тридцать от силы... Прошу, барышня.

Дольск — насколько его успела изучить Иванка по спутниковой карте, в Интернете — был растянут в длину, словно сосиска. Эта карта отпечаталась в Иванкиной голове. Девушка знала, что ближе к вокзалу в Дольске располагаются какие-то дачные, неказистые деревянные домики, дальше пойдут новостройки (кажется, именно там должна быть и единственная в городе гостиница), а на противоположном конце — старинная часть Дольска. За ней, как показала спутниковая карта, уже начинается лес, чуть ли не несколько сотен километров... Почти тайга.

«Теперь понятно, почему тут такой свежий, чистый воздух, разительно, поразительно отличающийся от московского...»

Дорога шла вниз. Такси довольно долго виляло по шоссе, среди маленьких одноэтажных домишек, окруженных заборами.

— Как в деревне... — вырвалось у Иванки.

— Это частный сектор, барышня, — необидчиво, охотно отозвался таксист. — А дальше нормальные, городские дома будут. Сами-то откуда, если не секрет?

— Из Москвы.

— О, из Москвы! Тогда понятно... Вам тут все деревней будет казаться.

— Воздух здесь чистый.

— Ну, по сравнению с московским!.. — засмеялся таксист.

— А это что? Вон там... Трубы какие-то.

— Где? Это фабрика. У нас фабрика есть, макаронная. Известная! За счет нее весь город кормится, рабочие места и все такое... — сообщил таксист. — Но вы, барышня, не смотрите, что трубы — воздух они не портят. Макароны — это ж вам не какое-то там химвиробводство...

Из-за облаков выглянуло солнце, стремительно, неотвратимо озарив светом низину. Маленький серый городишко преобразился буквально на глазах, и стал каким-то сказочным. Игрушечно-сказочным. Словно художник прикоснулся к пейзажу волшебной кистью, расцветил его яркими, сочными мазками.

— А можно на минутку остановиться? — попросила Иванка.

Таксист притормозил.

Девушка вышла из машины, взобралась на бордюрный камень. Отсюда город был как на ладони. Блестящие крыши домов, зеленые, желтые, розовые фасады... Деревья в конце ноября уже голые, но кое-где на ветру, точно вкрапления люрекса, сверкали, переливались нити темно-золотой листвы.

Погода была странная, неуютная — застывшая на грани осени и зимы. Безвременье какое-то... Но выглянувшее из-за облаков солнце разрушило это холодное безмолвие, согрело сердце надеждой.

В этот момент Иванку отпустило. Ушел куда-то неприятный дорожный мандраж; исчезли пустые, лишние, мешающие сосредоточиться мысли — и сразу стало легче дышать.

— Красиво! — улыбнулась Иванка таксисту, вполоборота смотревшему на нее из окна «Жигулей».

Таксист тоже немедленно расплылся в ответной, добродушной улыбке.

Наверное, Иванка ему нравилась. И он ее не торопил. Понимал, принимал ее романтический порыв — то, что попросила специально остановиться, выскочила из машины, стала любоваться городом... Да, такая вот она, Иванка, свободная в своих чувствах, милая, чистая девушка (даже несмотря на то, что приехала из самого ада, из Москвы то есть!).

Иванке был хорошо знаком подобный взгляд, подобное рыцарское отношение. Мужчины всегда отно-

сились к ней покровительственно, считали ее нежным созданием, далеким от всего земного... Даже нахальные уличные приставалы («Девушка, а что вы вечером делаете? Девушка, а давайте познакомимся!») при всей своей назойливости старались не грубить ей, когда Иванка отмахивалась от них, точно от мух.

Такой у нее был типаж. Девушка-ангел. Кстати, очень помогало — и в жизни, и в работе...

— Ой, а там что? Лес? — приподнялась на цыпочки Иванка. — Он, правда, огромный какой!

За домами, вдоль горизонта, тянулась темная, с вкраплениями зеленого и рыжего — густая полоса деревьев.

— Да, лес у нас настоящий! — умилился еще больше таксист. — Вы, барышня, наверное, такого леса и не видели... Звери в нем водятся.

— Звери?

— Кабаны, лоси, волки, лисы... Медведи настоящие!

— Что, не шутите? — поразилась Иванка. — Медведи?

— Да! У меня тесть на охоту в том году ходил, так прямо нос к носу с мишкой столкнулся... Но ничего, обошлось. Мишка пугливым оказался. Едем?

— Да, пора...

...Минут через двадцать «Жигули» притормозили на площади у большого современного здания — гостиницы «Салют». Таксист вытащил из багажника чемодан.

— Надолго к нам? — спросил мужчина приветливо, отсчитывая сдачу с тысячи.

— Не знаю.

— В гости к кому или как?

— По работе. Я журналистка... — туманно ответила Иванка.

— А-а! — с уважением кивнул таксист. — Ну, удачи вам во всех делах.

Помог докатить чемодан до входа в гостиницу.

Номер Иванка забронировала заранее, и, как выяснилось, напрасно — свободных мест было много...

— Иоанна... — глядя в паспорт гостьи, напевно произнесла администратор на ресепшене. — Иоанна Луганская. Господи, какое красивое имя! Как в кино.

— Спасибо, — смущенно улыбнулась Иванка.

— Иоанна... Ии-оо-аанна. А если коротко — то как, извиняюсь за любопытство? — не отставала словоохотливая администратор — пожилая дама с «халой» из волос на голове.

— Иванка. Друзья, родные называют Иванкой.

— Какая прелесть! Иванка! — искренне восхитилась дама. — Если внучка у нас родится, надо тоже Иоанной назвать. Ой, вы не против?

— Что вы! — засмеялась Иванка. — Конечно, не против.

...Номер оказался чистым, уютным и вполне современным. «Удобства» тоже порадовали белоснежным сиянием кафеля и фаянса. Даже телевизор был современно-плоским, жидкокристаллическим.

Когда Иванка развешивала вещи в шкафу, в дверь постучалась горничная:

— Можно? О, как я вовремя... Вот вам еще «плечики» для одежды! Женщинам всегда «плечиков» не хватает, я по опыту знаю.

— Спасибо. И правда вовремя! — приветливо отозвалась Иванка, принимая из рук вошедшей стопку вешалок.

Горничная — молодая, полная, с искрящимися от внутреннего, видимо, природного веселья глазами — тоже чрезвычайно понравилась Иванке. Вообще, Иванке нравилось в крошечном Дольске уже решительно все — и воздух, и лес, и дома, и улицы, и чистенькая гостиница, и приветливые, открытые люди...

— Галя? — глядя на бейджик горничной, спросила Иванка. — А столовая тут есть?

— Бар внизу, и еще ресторан. Так наш ресторан лучше всякой столовой! — немедленно отозвалась горничная Галя. — И недорого. К нам весь город ходит, когда праздники или кто свадьбу когда устраивает.

— Отлично... Да, Галя... Вы чего-нибудь слышали о Дмитрие Гагарине? — секунду помедлив, спросила Иванка.

— Да кто ж у нас о нем не слышал! Его все тут знают! — бурно отреагировала на вопрос Галя. — А вы к нему?

— Да, — серьезно произнесла Иванка.

— Так зря! — огорченно воскликнула эмоциональная горничная. — Он никого не принимает...

— Да? Но я не как посетительница, я — журналистка, — возразила Иванка. — Мне надо взять у него интервью. Собственно, я за этим и приехала в Дольск.

— Вы журналистка! — прижала руки к пухлой груди Галя. — Я так сразу и подумала! Что вы, значит, не просто, а... Ох, ну, вас-то он, надеюсь, примет! А вы где журналистка — на телевидении?

— Нет. — Иванка произнесла название известного глянцевого журнала для женщин.

— Вот это да... Такой человек у нас будет жить... — Галя зажмурилась, закачалась, словно в молитвенном экстазе.

— Гагарин совсем-совсем никого не принимает?

— Совсем! Когда он у нас год назад поселился, сюда пачками народ ездил. Мы прям в гостинице нарадоваться не могли! А Гагарин всем от ворот поворот. Не буду никому помогать, и все тут. Но до сих пор люди едут. Вон, в баре сейчас сидят, я видела, когда мимо проходила. Мать с дочкой, мужчина тоже, писатель, и женщина еще одна, разведенка... — Галя расстроено вздохнула. — Так жалко их, бедных! Но Гагарин — ни в какую...

— А где он сам живет?

— Я объясню. Найти легко. Сели на трамвай, и в ту сторону, где старая часть Дольска, мимо церк-

ви... А на конечной выйти и чуть вперед, и вот он, замок его.

— Замок?

— Ну да. Мы так и говорим — замок, — повторила Галя. — Усадьба, значит, бывшая княжеская. Ихнему роду раньше принадлежала, до революции. Гагарин на нее свои права доказал. Дескать, я — князь, настоящий, мои предки этими местами владели, документы сохранились, все чин чином, законно. Суд был, но такой, несерьезный — быстрый, чисто формально. Его права на замок признали — тем более что тот уж лет десять как в руинах стоял, никому не нужен. И, потом, нам почетно — такой человек будет жить...

— И что? — с интересом спросила Иванка.

— Поселился Гагарин тут, руины стал чинить. Кой-чего подправил, зажил. Но народ так и не стал принимать. В общем, мы в нем все разочарованы.

— А почему он никого не принимает?

— Говорит, отошел от дел, и все такое. Но людям же помощь нужна! — всплеснула руками Галя, явно осуждая бездействие Гагарина. — У всех горе, у всех проблемы! Ладно, пойду я, заболталась. Обращайтесь, если чего.

После ухода горничной Иванка переделалась и спустилась вниз — ей хотелось увидеть людей, которые приехали к экстрасенсу за помощью. Может быть, они еще что-нибудь расскажут о Дмитрие Гагарине?..

В баре — довольно большом помещении с окнами во все стены — сидели несколько человек. Благодаря шустрой Гале Иванка легко «угадала» их: эта парочка за одним столом — толстая женщина постарше и крашенная, с иссиня-черными волосами девица — скорее всего мать и дочь, за барной стойкой пьет коктейль та самая «несчастливая разведенка» — дама неопределенного возраста и размытой комплекции, а у окна, с газетой в руках, курит тот самый писатель — мужчина лет пятидесяти. Ведь только у писателя может быть такой свитер грубой вязки и такое ироническое, печальное, насмешливое лицо, словно говорящее: он-то знает, кто во всем виноват, но лично он тут ни при чем.

Иванка на секунду задумалась... Обратиться сразу ко всем? Не то, балаган какой-то получится. Тогда к кому первому? К писателю? Нет, подойти к мужчине, хоть и по нынешним свободным временам, не воспримут серьезно. Мужчина, может, и будет охотно беседовать с Иванкой, а вот мать с дочерью и разведенка точно отвернутся, не откроются потом ни за что. Подойти к столику, за которым сидят мать с дочерью? Можно. Но их двое, значит, они единым фронтом. Это сложнее... Осталась только разведенка.

Иванка энергичным шагом направилась к барной стойке.

— Мартини, пожалуйста, — легко запрыгнув на высокий стул, решительно бросила она бармену. И тут же, не меняя тона, повернулась к разведенке

и выстрелила информацией в упор: — Только сегодня приехала. А, говорят, Гагарин никого не принимает...

Разведенка старчески пожевала губами, потом сочувственно кивнула:

— Меня он тоже не принял!

Начало было неплохим. Примерно так разговаривают люди в коридоре перед кабинетом врача — сначала без лишних подробностей, коротко, но откровенно и с пониманием. Выплескивают накипевшее. Значит, скоро подключатся и все остальные. Журналистские навыки никогда не подводили Иоанну Луганскую.

— Безобразие... — громко, печально произнесла Иванка.

Разведенка немного оживилась, разделяя озвученное мнение.

Иванка еще раз пригляделась к своей собеседнице. Это была женщина лет сорока (а может, и пятидесяти или нет... тридцати?), с бледным, одутловатым лицом, вялыми губами, мертвыми пергидрольными волосами — оттого и невозможно было точно определить ее возраст. Ножки у женщины, сидевшей рядом с Иванкой, казались тощими, а живот под жиденьким трикотажным свитером — распухшим, вялым, бесформенным. Вот и получалось — ни молодая ни старая, ни толстая ни тонкая... Не женщина, а одно какое-то размытое, бледное пятно.

— И не говорите! — скорбно согласилась разведенка. — Я к нему раза три уже ходила, и все без результата.

— А мы чуть не каждый день там прогуливаемся! — крикнула из-за стола та, что постарше, из парочки мать-дочь. — И все без толку...

— Вот я попала! — с досадой призналась Иванка, обращаясь уже ко всем в зале. Мужчина у окна отложил газету и, затянувшись сигаретой, внимательно уставился на Иванку. Что ж, процесс пошел.

— А вы с каким вопросом? — бесцеремонно крикнула женщина-мать. — Ищете кого или что?

— Я журналистка. У меня задание — взять у Гагарина интервью. Зовут меня Иванкой, — выложила девушка сразу все карты. Подобная откровенность должна была вызвать ответную откровенность у других. Хотя не факт — многие боятся журналистов...

— Как? — захлопала длинными ресницами девушка рядом с матерью. — Как зовут?

— Иванкой. Иоанна я, если точнее.

— Боже, какое красивое имя! — пролепетала девушка. — А я — Кристина. Это моя мама, мамочка Раечка... — Девушка прижалась щекой к круглому материнскому плечу, потерлась о него, точно кошечка.

Иванка повернулась к разведенке. Та не сразу сообразила, что от нее хотят... Но потом все-таки выдавила из себя:

— Валентина.

— Очень приятно, — сказала Иванка.

— Волосов, — сдержанно, но громко представился мужчина, сидевший у окна. — Волосов Виктор Андреевич. Ваш коллега, уважаемая Иванка... Я — писатель.

— И тоже к Гагарину?

— Мы тут все к нему! У всех свои проблемы, все нуждаются в помощи... — решительно произнесла «мамочка Раечка». — А он — ни в какую.

— Вы видели Дмитрия Гагарина? Встречались с ним лично? — спросила Иванка.

— Видели его несколько раз! — хищно сообщила активная Раиса, из тех, видимо, кого называют бой-бабами. — Он сюда даже заходил, в бар... Мы к нему, а он одно: «Я больше не практикую как экстрасенс, я больше не практикую...» — передразнила она. — Тьфу.

— Но тут до нас была женщина, он ей помог, говорят, — вступил в разговор Волосов. — Я так понимаю — Гагарин все же помогает, хоть и выборочно. Вот и сидим тут, ждем удобного случая.

— Если вы журналистка — то он, наверное, будет с вами разговаривать, — заметила вялая Валентина. — А у меня горе — муж от меня ушел.

— Надо его найти? — догадалась Иванка.

— Нет, я знаю, где он... У другой женщины. Я хочу мужа вернуть. Гагарин — он все может... — вздохнула Валентина.

— Да, он не только поисковик, — согласился Волосов. — А мне надо Гагарину только один вопрос задать...

— И нам тоже один вопрос надо задать! — переглянулись мать с дочерью и дружно чему-то улыбнулись.

— А если попросить Полину помочь? Она же может на него повлиять? — вдруг озарило Иванку.

— Кого? — наморщила лоб Валентина.

Остальные тоже переглянулись с недоумением.

— У Гагарина есть жена, — пояснила Иванка. — У него жена Полина, сын Артемий...

— Никого у него нет! — с возмущением воскликнула Раиса. — Один он живет.

— Не один, с этим он... — напомнила Кристина.

— Да, Гагарину татарин один помогает, пожилой такой...

— Ибрагим, — подсказал Волосов. — Они вместе замок ремонтируют.

«Ибрагим какой-то... — растерянно подумала Иванка. — А где жена, сын?»

— Но он был женат... Дмитрий Гагарин был женат! — произнесла она вслух.

— Был, точно, — согласилась бой-баба Раиса. — Это мы слышали... Но тут — он один живет. Без семьи.

— Я слышала — развелся он с женой вроде... — вспомнила Валентина. — Имени его жены не помню, но... Да, развелся! И она куда-то уехала с сыном...

— Значит, у него тоже горе, — резюмировала Раиса. — Может, он после развода впал в депрессию?

— Ну и что теперь? Самому не жить, и людям не давать? — кисло возразила Валентина.

— Пройдет у него эта депрессия, гарантирую, — усмехнулся Волосов. — Она не может вечно длиться! Надо только этого момента дожидаться, а там уж он нас всех примет!

Далее разговор потек в том направлении, которое Иванку совершенно не интересовало — одно гадание на кофейной гуще. Ничего конкретного: в депрессии Гагарин — не в депрессии, примет — не примет... Иванка уже поняла, что от этих людей ничего нового не узнает.

Вежливо распрощавшись со всеми и расплатившись за мартини, Иванка вернулась в номер.

К этому моменту уже стемнело.

Она распахнула балконную дверь, вышла наружу. Было холодно, но воздух опять показался Иванке таким чистым, приятным, что она несколько минут стояла на балконе, облокотившись на перила — дышала полной грудью.

Дольск утопал в густом синем сумраке — лишь кое-где светились окна домов, изредка по площади проезжали машины... Было тихо.словно с заходом солнца город заснул.

Эта ленивая, непроглядная темнота, добродушные местные жители... «Хороший городок — Дольск.

Определенно, я осталась бы тут жить!» Вот только с Гагариным проблемы — оказывается, он не идет на контакт. Но это поправимо... Он еще не знает Иванки!

«В разводе. Один. Он один... — Ее теперь волновала эта мысль, словно с самого начала Иванка соперничала с его женой, Полиной. — И что? А то, как мне использовать теперь это обстоятельство...»

Девушка вернулась в комнату, достала из сумки журнал и вновь принялась рассматривать фото Дмитрия Гагарина. Красивое, мужественное лицо, волосы темные, довольно длинные, зачесаны назад, широкие плечи... И холост. «А мне-то что, не замуж же я за него собралась?» — почему-то со злостью на саму себя подумала Иванка.

Достала мобильный, нажала несколько кнопок.

— Стас? Привет, это я, Иванка... Нет, я не в Москве. Спасибо, и тебя тоже. Слушай, у тебя вроде знакомая в «Теленеделе» работает? Она не может мне дать номер Алексея Меркулова, корреспондента? Отлично, скинь эсэмэской... Чао.

Минут через десять мобильный пискнул, сообщая, что пришла почта.

Иванка набрала номер Алексея Меркулова — того самого корреспондента, что написал статью о Гагарине.

— Алло? — не сразу, устало отозвался мужской голос.

— Добрый вечер, Алексей. Вас беспокоит Иванка Луганская. Я по поводу одной вашей статьи...

— Да, слушаю вас, Иванка.

В трубке раздавался какой-то грохот, потом Иванка услышала требовательный, настырный детский крик.

— Вы писали о Дмитрие Гагарине, экстрасенсе... Помните, Алексей?

— Помню, — неожиданно бодро отозвался Меркулов. — Да тише ты... Извините, это я не вам. Сейчас в другую комнату перейду. Лена, мне поговорить надо! Посмотри за Танюшкой... — Опять грохот, шаги, вдруг — тишина.

— Алло!

— Да-да, я вас слышу! — сказал Меркулов. — Что конкретно вас интересует?

— Гагарин, он... он действительно сильный экстрасенс?

— Он настоящий, — серьезно произнес Меркулов. — «Дуэль магов», конечно, шоу — ведь телевидению в первую очередь надо развлекать зрителей, а уж правда жизни — дело десятое, но на этой передаче уж слишком много было всего загадочного, интересного... А Гагарин — сильнейший из участников. Все, что он мне предрек, — сбылось.

— У вас дочка? — улыбнулась невидимому собеседнику Иванка.

— Ага. В то утро, перед интервью с Гагариным, Ленка (это жена моя) встала не с той ноги. Вывалила на меня, что задержка на два дня, что надо тест на беременность купить, что все не вовремя, что, может,

зря так рано — только расписались, кредитов набрали... Я ее успокоил, сказал, что два дня — ерунда, паниковать еще рано, все обойдется... Я, если честно, тоже не хотел ребенка. Не хотел и не верил в то, что он может быть. Слова Гагарина привели меня в шок. Вот откуда он все это знал?.. И, главное, угадал сразу, что будет девочка... Когда он сказал, что родится девочка (понимаете, не абстрактный какой-то ребенок, а именно девочка!), я смирился сразу, размяк... Пусть будет. И уговорил Ленку рожать. И мы с Ленкой еще ни разу не пожалели...

— А про гололед — тоже угадал? — с любопытством спросила Иванка.

— Не совсем, — коротко, невесело рассмеялся Меркулов. — Он сказал, что мне надо опасаться скользкого, гладкого... гололеда, словом. Но лед оказался ни при чем. Я поскользнулся на мраморном полу, когда брал интервью у одного богатого человека.

— Сильно разбились? — огорченно ахнула Иванка.

— Уж лучше бы разбился. Я, когда свалился, умудрился какую-то вазу на пол уронить — вот она-то и разбилась. Потом выплачивал ее стоимость хозяину — почти полмиллиона рублей.

— Ого!

— Да, вот так. Прижимистый оказался бизнесмен, со знакомствами соответствующими и понятиями... Я и рыпнуться не смог. Выплатил ему все до копеечки. Теперь вот весь в долгах как в шелках...

Но ничего, прорвемся. Так о чем это мы... Да, Гагарин — сильный экстрасенс. Хотя не всегда точно дает подсказки — вот как примерно с этим гололедом вышло...

— И родственника вашего нашел?

— Да. Мы догадывались, что Петька, брат мой двоюродный, в Питере ошивается, но так, на уровне слухов все это было... Тетка потом туда ездила, нашла Петьку в метро, он на гитаре играл в одном из переходов. Домой, кстати, не захотел возвращаться. Гагарин оказался прав, когда сказал, что родственник мой по духу — настоящий бродяга... Вот что касается поиска людей — Гагарину нет равных. Тут уж он редко когда ошибался. А почему вы интересуетесь им? Он вроде куда-то уехал...

— Я хочу с ним встретиться. Гагарин сейчас живет в одном маленьком городке, довольно далеко от Москвы, — призналась Иванка. — И не практикует. С женой развелся. Никого не хочет видеть. А мне до зарезу надо попасть к нему, взять интервью...

— Странно. Не практикует? С такими-то способностями...

— Алексей, посоветуйте, как мне пробиться к Гагарину? На чем надо сыграть? Вы ведь с ним общались, вы знаете его характер...

— Гагарин — неординарная личность. Я лично не удивляюсь, что он развелся... Вокруг него поклонницы толпами бегали, буквально на куски рвали. Он гений, но как человек... Нахальный, напористый, на-

смешливый, тщеславный. Вам, Иванка, чтобы добиться своего, надо очаровать его по-женски... понимаете? И восхищаться им побольше... льстить ему, понимаете? А лучше — и то и другое вместе. Он очень избалованный человек, хоть я и уважаю его за талант.

— Понятно. Я учту... Спасибо вам, Алексей. Привет жене и дочке! Спасибо еще раз...

— Да не за что.

Иванка нажала на кнопку отбоя. «Значит, Гагарин — избалованный и тщеславный...»

* * *

На следующий день Иванка встала довольно поздно. Позавтракала в ресторане. Горничная Галя оказалась права — кормили вкусно и, кстати, совсем недорого (здешние цены после московских показались Иванке совсем смешными).

Вчерашних своих знакомых — мать с дочерью, писателя и вялую Валентину — Иванка не встретила. Видимо, те успели позавтракать раньше.

Омлет из двух яиц с зеленью, кофе, фруктовый салат... Иванка и забыла, когда так лакомилась в последний раз — для себя она почти не готовила.

Потом вернулась в номер, переделалась, привела себя в порядок, вернее, в небрежный и естественный беспорядок. Осталась довольна результатом — из зеркала на нее смотрела милая, сдержанная, серьезная и нежная одновременно молодая девушка (и ведь

никто не скажет, что почти тридцать!). Черные узкие брюки, черная водолазка, короткая дубленка цвета молочного шоколада, на шею небрежно намотан длинный шарф, светлые волосы словно ветром разметало, из косметики — почти ничего, лишь тон для лица да тушь для ресниц. Такую девушку нельзя обидеть, такой нельзя отказать.

Закинув за плечи рюкзак, Иванка вышла из гостиницы.

...Сегодня опять стояла солнечная, ясная погода. Ничего не напоминало о том, что вот-вот начнется зима. Синее небо, прозрачный воздух, чистый асфальт. Как в начале апреля...

Иванка оглядела большую площадь — дворник сонно шаркает метлой; пара автомобилей, припаркованных на той стороне, возле супермаркета... Подросток на велосипеде старательно выписывает круги вокруг большого рекламного щита. На щите была изображена следующая картинка — колосющаяся рожь, на фоне которой стоит молодежавый, крепкий мужик с бесшабашной улыбкой, пальцем указывающий на слова, выведенные поверх его бритой головы: «Макарены «Отличные» — отличные макароны! Владимир Крюков дает гарантию!»

«Макарены «Отличные»... А, точно, — тут же какая-то макаронная фабрика!» — вспомнила Иванка.

За площадью шли трамвайные пути — основной транспорт в Дольске, — связывавшие начало и конец города, растянувшегося в длину.

...Ярко-красный трамвай был почти пуст — какие-то работяги в спецовках и бабушки с внуками (последние, судя по разговорам, везли детей из школы).

Трясаясь и позванивая, трамвай медленно тащился по рельсам вдоль главного проспекта. Иванка с любопытством глядела в окно, на низенькие, смешные, с маленькими окнами домишки из красного кирпича. Это была какая-то невероятная, почти забытая старина!

Вот и церковь с крашенным в розовый фасадом. Батюшка на ступенях, ветер раздувает подол его рясы. Он вещает о чем-то, а старухи в черном перед ним — слушают, согласно кивая... Рядом доска объявлений, что в церкви Святого Киприана пройдут такие-то службы (какие именно — уже мелким шрифтом, Иванка прочитать не смогла). А вот парикмахерская сорокалетней давности, с пожелтевшей вывеской: такие затейливые прически с рога-ликами из волос надо лбом носили чуть ли не в семидесятых...

На конечной, у жиденькой рощицы, Иванка вышла.

За пустынным шоссе, по которому изредка, пыля, проезжали грузовые фуры, виднелся уже настоящий лес. Но это дальше, дальше...

Иванка, помня инструкции Гали, пошла вперед, и вот перед ней замаячила сквозь рощицу каменная ограда, а за оградой показались смутные очертания высокого дома.

Девушка замерла — воображение, ничем не сдерживаемое, вдруг нарисовало следующую картинку: аллея в старинном парке. Замок. Глухой стук копыт. По аллее скачет всадник — волосы развеваются на ветру, из-под копыт коня летят комья земли... Всадник натягивает поводья, конь останавливается, храпя и по инерции продолжая перебирать передними ногами...

Картинка, типичная для классической мелодрамы, где героиня ждет принца на белом коне. Буквально. И он, принц, в конце концов появляется перед героиней, бредущей по тенистой аллее в длинном красивом платье, у девушки одухотворенное живое личико и ясные глазки. Молоденькая и хорошенькая. И немного (или сильно много, для пущего драматизма) — несчастная. Что-то вроде — угнетает мачеха, нет приданого, нет того, нет сего...

Так вот, бредет, значит, она, героиня, по аллее, вся в своих мыслях, а из-за поворота навстречу ей — всадник. Внезапно. Это — Он!!! Молодой, красивый, нечеловечески мужественный. Немного заносчивый и грубоватый (но это оттого, что в душе тоже какую-нибудь незаживающую рану носит, которую тем не менее впоследствии успешно залечит героиня). Кстати, можно и физиономию героя украсить шрамом, который очень идет ему и придает сексуальности (хотя сам он, глупенький, думает, что безнадежно уродует).

И вот они сталкиваются на аллее, эти двое, и его конь чуть не затаптывает ее, он в гневе: «Какого чер-

та вы под копыта лезете, смотреть надо, куда идете!» А она ему, еще не подозревая, что это ее судьба: «А сами вы куда так мчитесь, тут, между прочим, люди тоже ходят...» В общем, молодые страшно ругаются, исполнившись спонтанной ненависти друг к другу.

Но сказано же: от любви до ненависти — один шаг. Герои влюбятся друг в друга.

Потом, конечно, в романе будут еще всяческие перипетии, трудности, которые надо преодолеть, интриги злых родственников, ревность коварного соперника и т.д. и т.п. В конце романа влюбленные сольются в страстном поцелуе, и все у них будет просто идеально...

В сущности, у Иванки сейчас точно такие же условия, как и у героини в начале классического любовного романа. А что? Есть Она, молодая и красивая. Одинокая. Где-то совсем рядом — Он, тоже не старый и красивый, причем — настоящий князь, практически принц! И тоже одинокий! Что еще надо? Есть в наличии тенистая аллея, есть даже старинный замок за оградой...

Отчего бы не выскочить сейчас Дмитрию навстречу Иванке на коне? Что мешает? А вдруг!

...Иванка заморгала, потеряла глаза — но аллея перед ней была по-прежнему пуста.

«Дурочка... Взрослый человек, а какие глупые фантазии в голову лезут!» Наваждение исчезло так же быстро, как и возникло.

Вряд ли у Гагарина есть конь, сейчас не позапрошлый век.

Да и сам капризный экстрасенс, с его-то скверным характером — не самая лучшая кандидатура на роль жениха...

Аллея кончилась. Иванка перешла неширокую пыльную дорогу (одним концом она упиралась в главное шоссе) и остановилась перед воротами. Сквозь железные прутья хорошо просматривался небольшой пустой двор. Дальше, метрах в двадцати, располагалось, судя по всему, основное здание усадьбы, наполовину разрушенное, с пустыми провалами окон. Но крыша была более-менее сохранна, с живописными башенками по углам. Наверное, из-за этих самых башенок строение называли в Дольске «замком». Именно они навеяли на Иванку романтическое настроение...

Но вблизи замок производил удручающее впечатление.

Руина да и только.

Правда, правее стоял одноэтажный флигель, довольно крепкий и обжитой на вид.

Иванка огляделась, нашла на воротках кнопку звонка, нажала на нее. Потом еще и еще. «Не работает, что ли?»

Вдруг дверь во флигель распахнулась, и по ступеням, как-то боком, косолапя и переваливаясь с ноги на ногу, резво спустился немолодой мужчина в валенках, в телогрейке нараспашку, с топором в руке...

— Чего трезвонишь? — резким, каркающим голосом крикнул он. — Чего надо?

Мужчина этот — невысокий, коренастый, с обветренным морщинистым лицом, коротко стриженными седыми волосами — зло смотрел сквозь железные прутья на Иванку. «Кто это? — растерянно подумала она, глядя на топор в руке незнакомца. — И зачем так злиться, не понимаю?»

— Добрый день, — вежливо произнесла она. — Меня зовут Иоанна Луганская, я к Дмитрию Гагарину.

— Кто? Какая? — видимо, не разобравшись в имени, скривился мужчина. — Зачем пришла? Не принимает!

— Я знаю, что не принимает, — спокойно ответила Иванка. — Но я — журналистка. Хочу взять у Дмитрия интервью для одного известного журнала...

Девушка произнесла название журнала.

Оно, равно как и то, что Иванка пришла брать интервью у Гагарина, не произвело на злого дядьку абсолютно никакого впечатления.

— Уходи! Ни с кем он не говорит.

— Вы не понимаете... — принялась терпеливо растолковывать Иванка. — Я, я, вот я — журналистка. Мне ничего от Дмитрия не надо, я просто хочу взять у него интервью...

— Ничего не дает! — крикнул мужчина.

— Почему вы так со мной разговариваете? — удивленно, обиженно произнесла она. — Я ничего

плохого не делаю, я просто спрашиваю... А вы со мной так зло! За что? Зачем?

Мужчина молча, насупившись, смотрел на нее.

— Вы Ибрагим? — вспомнила Иванка. — Да? Пустите меня.

Но Ибрагим (если это был действительно он) ничего не ответил. Постоял еще несколько секунд, затем сделал резкий, словно отвергающий жест рукой, и затопал обратно к дому. Судя по всему, попасть сегодня к Гагарину никак не получалось.

Девушка постояла возле ворот еще какое-то время, в надежде, что, может быть, Ибрагим расскажет Гагарину о ней, и тот выйдет — но нет, из флигеля больше никто не появлялся.

«Бред какой-то!» — с раздражением подумала Иванка.

Повернулась и пошла — только не назад, а в сторону шоссе. «Проблема в Ибрагиме. Он как цепной пес... Его ничем не возьмешь, никак не подкупишь. И злой какой... Хотя понятно, почему такой злой — если все так и рвутся к Гагарину! А он никого не принимает... Почему, интересно, не принимает? И почему Гагарин развелся с женой, с этой лисичкой Полиной?..»

Почему люди разводятся, Иванка прекрасно знала. Она сама прошла через бракоразводный процесс этой весной.

Измены, ложь, грубость, скандалы — все это только следствие. Причина же всех расставаний —

то, что близкие в один момент вдруг становятся почему-то чужими. И вот именно тогда, вольно или невольно, они начинают совершать всякие гадости и глупости...

Иванка пересекла шоссе, пустое в данный момент, а затем сбежала по небольшому склону к лесу.

...С Егором Иванка познакомилась шесть лет назад, в конце мая, когда чуть ли не каждый день небо над Москвой сотрясали грозы.

Иванка тогда только-только поступила на работу в тот самый всем известный глянцевый журнал, который для одних (естественно, для большинства женщин) был как Библия, для других (для мужчин и небольшой части женщин) являлся воплощением пафоса и пустоты. Скрытой и явной рекламы.

Но, как всегда, истина лежала где-то посередине. Да, много рекламы. Да, никаких серьезных тем — статьи о макияже, модных трендах, на каком побережье провести отпуск и какой модели купальник прикупить к этому самому отпуску, рассказы о знаменитостях, советы дамского психолога, как пережить разрыв с любимым и как найти себе нового любимого, и просто рассказы — коротенькие и романтические лав-стори с непременно счастливым концом. Реклама одежды, обуви, косметики, модных туристических направлений...

Зато мир глянца оказался чист и прекрасен. В нем не было зла и страшных болезней. Он, словно сказка, утешал и давал надежду своим читательницам — все

будет хорошо... Он делал женщин красивыми, учил их одеваться, правильно делать макияж... Он давал *правильную* картинку. Какой должна быть жизнь в идеале.

Иванка писала рассказы для журнала, делала модные обзоры. Эта работа ей очень нравилась, но в то же время постоянно напоминала о том, что реальная жизнь не так легка и прекрасна.

Напоминала, что она, Иванка, такая милая и красивая (*правильно* оформленная!), еще не нашла свою половинку. Нет, были поклонники, и много — но все не то... Категорически не то.

Однажды после работы Иванка зашла в кафе возле своего офиса, перекусить. Внезапно началась гроза — золотое вечернее небо заволокло тучами, потом засверкали молнии, и начался ливень.

А зонтика у девушки не было, она его посеяла где-то накануне. Иванка, ленивая любительница общепита, уписывала панакота и одновременно болтала со своей лучшей подругой Алисой по сотовому. О том, что она, Иванка, без зонта, сидит в своем любимом кафе, а гроза страшная, и льет как из ведра. И что нет нормальных мужчин, одни жадины и грубияны, а если и приглянется кто, так это непременно женатый... И было бы хорошо, если бы встретился Иванке наконец хороший мужчина, который носил бы ее на руках, ничего для нее не жалел и — холостой! И еще чтобы не пил и не курил. (Последнее особенно актуально — ведь это ужасно, когда в квартире висит табачное об-

лако и все вещи, одежда, волосы постепенно пропитываются этой горькой гадостью!)

Помнится, Иванка, щебеча с Алисой, изрекла следующее пожелание — «хочу, чтобы Он вошел сейчас в кафе и спас меня от грозы!».

«В каком смысле спас? — переспросила Алиса. — Чтобы у него был зонтик?» — «Да, чтобы у него был зонтик, чтобы у него была машина, на которой он меня доvez бы до дома... Хочу, хочу, хочу!» — словно Марфушенька-душенька из старого детского фильма «Морозко», неистово произнесла Иванка.

Алиса засмеялась и посоветовала подружке быть реалисткой. На том разговор и закончился — подружка вспомнила о каких-то срочных делах. Иванка, уже в безмолвном одиночестве, ковырялась в своей панакоте, оцепенело наблюдая, как в оконное стекло хлещет ливень, которому конца-края нет...

Посетителей было мало — только те, кто успел зайти в кафе до дождя, и еще те, кто влетел внутрь после первых брызг. Жизнь на улицах замерла, лишь изредка мимо кафе пробежали суетливо темные силуэты под зонтами.

Но вдруг одна из теней метнулась к двери кафе. Звякнул колокольчик — внутрь вошел мужчина. Молодой мужчина. Симпатичный. Отряхнул зонтик, огляделся. Иванка от нечего делать во все глаза пялилась на незнакомца.

Джинсы, креативная рубашка. Кожаные мокасины, потемневшие от дождя. Капли воды на хорошо

выбритых щеках. Черные волосы — словно шлем на голове: короткие, густые, блестящие. Радикально короткая челка — почти совпадающая с линией лба. С одной стороны, очень мужественная стрижка, с другой — в этой короткой челке тоже заключался намек на креативность. Просто и сложно одновременно. И весь молодой мужчина — тоже такой простой и сложный, отчего хотелось его разглядывать.

Что Иванка и делала.

И тут посетитель сделал шаг к ее столику. Иванка вздрогнула. Она вдруг вспомнила слова, которые недавно произнесла, болтая по телефону с Алисой... «Хочу, чтобы Он вошел сейчас в кафе!» Чудеса случаются?..

Мужчина сел напротив и, глядя в глаза остолбеневшей Иванке, произнес просто, коротко:

— Егор.

И это тоже не могло не удивить. Никаких пошлых прелюдий, банальных вступлений, типа «Девушка, а давайте познакомимся? Девушка, а вы одна? Скучаете? Ну и ливень, да?» И в то же время — никаких сложных, заумных-хитроумных филологических конструкций, которые придумывают парни, считающие себя «продвинутыми»...

Одно только слово. Одно имя. Зато какой подтекст!

В простоте Егора заключалась какая-то гениальность, и это мгновенно покорило привередливую Иванку.

Она тоже не стала прятаться за пустыми словами и ответила:

— Иоанна. Можно Иванка...

Несколько минут они сидели молча, глядя друг на друга. Потом Егор заказал себе свежесжатого сока, буднично спросив Иванку, не хочет ли она чего. «Нет», — сказала Иванка.

Потом Егор так же просто, без лишних слов, стал рассказывать о себе — кто он и что.

Иванка в ответ поведала о себе.

Егор как-то очень ловко и естественно вспомнил старый французский фильм с Жаном Габеном — там герои встретились при аналогичных обстоятельствах. Дождь, туман, кафе, набережная... Иванке нравились старые французские фильмы, она их почти все смотрела... Поэтому она дополнила высказывание Егора своими мыслями.

И, слово за слово, потек разговор — двух единомышленников, двух незнакомых, но очень близких по духу людей.

Потом Егор предложил довести Иванку до дому.

Вышли, он — держа над ней зонт. А там — бурлящий поток вдоль бордюра по мостовой... Теперь уже Иванка держала зонт, а Егор нес ее на руках до машины. Его серьезное, бледное лицо рядом...

Посадил в авто. Довез. Навязываться на чашечку кофе не стал (какая прелесть — не испортил момент!), договорился о свидании на завтра.

На следующий день — поездка к Воробьевым го-

рам. Запускали воздушного змея на площади, перед зданием МГУ. День был солнечный, ясный, змеев запускали еще несколько любителей, но Егоров был лучшим — в виде большой летучей мыши, смешной и страшный одновременно... Там же, на площадке перед МГУ, произошел первый поцелуй.

Потом кафе. Потом... Что было потом, Иванка уже не помнила — прошлое сливалось в одно золотое счастливое облако.

Все, о чем мечтала молодая, романтическая девушка, сбылось. Была красивая свадьба, красивое свадебное путешествие, красивые будни, заполненные красивой работой и витьем красивого гнездышка... Егор ни разу не разочаровал Иванку. В любых ситуациях он оставался самим собой — простым, умным, сдержанным, откровенным. Честным.

До прошлой зимы. Нет, осени! Уже осенью он как-то замкнулся в себе. Молчал, много работал.

Зимой он работал уже почти круглые сутки, а то время, что проводил дома, совсем не говорил с Иванкой, только лежал на диване, словно мертвый. Или сидел в Интернете, читая какие-то тупые форумы.

Иванка, как хорошая жена, пыталась разобраться — не заболел ли? Или, может, какие-то неприятности на этой самой работе, вдруг ставшей занимать столько времени? Или... неужели в жизни Егора появилась другая женщина?..

Несколько попыток серьезно поговорить. Несколько крупных скандалов, один раз даже с би-

тьем посуды и швырянием мебели (буянила Иванка, а Егор в тот момент стоял молча, опустив голову, никак не реагируя). Истерики. Слезы.

Наверное, Егор все-таки изменял... Сколько раз в ту зиму не ночевал! Только ни в чем не признавался. Молчал, молчал, а потом брякнул: «Иванка, нам надо разойтись...» — «Почему? Ты можешь мне сказать наконец — почему?!» И ответ, страшный в своей простоте и честности: «Я не люблю тебя. Я тебя разлюбил».

...Все это Иванка вспомнила, когда стояла на широкой поляне перед лесом. С чего это на нее вдруг нахлынули эти воспоминания? Наверное, слишком много думала о Дмитрие Гагарине, а тот разговаривать с ней даже не пожелал...

Опять ее отвергли.

Нет, она особо не мечтала о романе с Гагариным, просто это дурацкая, чисто женская привычка — всегда думать о любом мужчине как о потенциальном кандидате в возлюбленные.

Глупо. И ведь сама уже не верит в красивые сказки... Какой в них толк, в этих сказках? У нее она была — самая настоящая, красивая, *правильная* сказка, о которой мечтают все женщины, — и что? Чем все закончилось? Ужасно глупо мечтать о сказке, надо мечтать о чем-то еще, о высоком и серьезном, а вовсе не о принце на белом коне (читай — престижной иномарке), не о романтических закатах на Мальдивах, не о квартирке с дизай-

нерскими интерьерами... Потому что в один момент вся эта красота рассыплется в прах, утечет, словно песок сквозь пальцы, и останется лишь одна надпись на белом сухом песке посреди пустыни, среди бесконечных, до горизонта, барханов: «Я тебя не люблю».

Иванка стояла, подняв голову, и глубоко дышала — пар вырывался изо рта, растворялся в прозрачном, голубоватом воздухе. Идти в глубь леса она не собиралась, просто стояла на опушке и любовалась пейзажем: листва почти вся опала, бурый ковром стелилась под ногами; черные, словно лоснящиеся стволы деревьев, и этот нестерпимо яркий, холодный солнечный свет, и высокое голубое небо без единого облачка...

В наше время неприлично считать женщину несостоявшейся, если у нее нет мужа (возлюбленного). Высказывание — женщина может быть счастливой, только найдя свою половинку, — уже неактуально. Что это за женщина, если она только чья-то половинка...

Но к Иванке эти феминистские рассуждения не имели никакого отношения. В ней всегда было столько желаний, столько чувств, эмоций, что они начинали сжигать ее, если не было возможности выплеснуть их на кого-то. Измениться, стать более современной Иванка никак не могла, сколько ни пыталась загасить романтический пожар внутри себя ледяной водой здравого смысла.

В данный момент Иванку раздирали эти самые дурацкие противоречия. Одна ее часть — современная, циничная, холодная, недоверчивая — отвергала всякую мысль о новой любви. А другая — девичья, девчачья даже — требовала вновь чуда, сказки, полета...

В конце концов, необязательно гоняться за принцем на белом коне. Пусть рядом будет обычный, простой мужчина. Земной...

Иванка услышала легкий треск, словно рядом хрупнула ветка, и повернула голову. Неподалеку стоял пес.

Собак Ивана не боялась — наверное, потому, что не было пока повода бояться их...

Довольно крупный, с серовато-бурой шерстью, тяжелой мордой с острыми ушами; на длинных ногах, с поджатым хвостом — зверь застыл неподалеку и смотрел на девушку круглыми желтыми глазами...

— Привет, песик, — ласково сказала Иванка. — Ты голодный? Бедняга, а у меня ничего с собою нет!

Пес продолжал настороженно смотреть на Иванку. А она протянула руку... Пес наклонил голову, словно желая отпрыгнуть назад, но не отпрыгнул. Принюхался.

— Ты совсем дикий... Тебя бросили, да? — Девушка исполнилась жалости к несчастному зверю. Теперь ей непременно хотелось погладить его. Показать ему, что не все люди злые. — Хороший, хороший... Ты очень хороший умный пес!

Пес неуклюже переступил передними лапами, потом дернул лобастой головой и сделал шаг вперед, по направлению к Иванкиной вытянутой руке.

— Иди ко мне. Иди ко мне, мой хороший!

Пес опять мотнул головой и сделал еще шаг вперед. Теперь он был в метре от Иванки.

— Один, в лесу... Как же ты живешь? Милый, бедный...

Пес сделал еще один шаг и потянулся носом к Иванкиной руке.

И в этот самый момент вдруг все изменилось, безмятежная лесная тишина была нарушена, взорвана.

Выстрел.

С истошным криком взмыли галки с ветвей, гулкое эхо прокатилось над поляной. Пес, словно молния, умчался обратно в лес. «Что это такое?» — растерянно, с ужасом подумала Иванка и медленно, осторожно оглянулась — у нее было чувство, что стреляли в нее.

У шоссе стояли двое, в черных плащах, а третий — в деловом костюме, с пистолетом в одной руке, мчался навстречу Иванке.

Наверное, надо было бежать, но ноги почему-то не слушались. Девушка стояла, замороженно уставившись на пистолет в руке мужчины.

— Дорогуша, что ж ты творишь... Спятила совсем?! — закричал человек.

— А?.. — с трудом разомкнула она губы.

Мужчина подбежал к Иванке и спрятал пистолет в кобуру под мышкой. На вид ему было за сорок. Невысокий, плотного телосложения, с очень коротко, почти под ноль стриженными волосами и смешным, энергичным, круглым лицом — типичным для большинства мужчин в возрасте, живущих в средней полосе России. Иванке это лицо даже показалось знакомым...

— А если бы он тебе руку по локоть оттяпал? — закричал мужчина.

— Кто?

— Волк, кто!

— Волк? — пробормотала Иванка. Она вдруг вспомнила рассказ таксиста, везшего ее в Дольск. Тот говорил, что в здешних лесах водятся дикие звери...

— А то кто это был! Волк, конечно. Вот-вот тыпнул бы тебя... Да ты не бойсь, я в воздух стрелял! — Мужчина засмеялся, затряс головой, отчего его пухлые щеки тоже смешно затряслись.

«Волк! Я видела живого волка, он был совсем рядом...» — Иванка схватилась за голову. Мужчина с добродушной насмешкой смотрел на девушку — кажется, никакой опасности от незнакомца не исходило.

— Может, он и не укусил бы меня... — возразила Иванка. — Я хотела его погладить, у меня почти получилось!

— Погладить она его хотела... Да ты откуда такая? Приезжая, что ли? — спросил незнакомец с интересом.

— Я из Москвы.

— А, ну теперь понятно... У вас у всех мозги набекрень! — фыркнул он. — Волка вздумала погладить... Да он же зверь, понимаешь — зверь! В нем ни добра нет, ни зла — одни лишь инстинкты!

Мужчина говорил, продолжая разглядывать Иванку. Сначала бойкий и бесцеремонный, он вдруг стушевался:

— А вы меня простите, девушка, что я вот так вот... Испугал вас, да? Да я сам испугался еще как! Еду мимо, смотрю в окно — стоит такая, вся из себя блондиночка, тростиночка, а рядом — волк! У меня прям сердце так и зашлось! Спасать побежал.

— Спасибо.

— А вы как тут оказались, не понимаю? Зачем?

— Просто... — пожала плечами Иванка. — Хотела лес посмотреть. Очень красиво.

— Лес посмотреть... — пробормотал мужчина. — Одна в лес пошла... Ох ты, господи, святая простота. Крюков, Владимир. Можно Вова... Будем знакомы.

— Иоанна.

— Как? — поразился Крюков. — Как, не понял?!

— Иоанна. Можно просто — Иванка.

— Иванка... Надо же, какое имя! Редкое. А меня тут все знают, каждая собака.